

**Лариса
Максимова**

**ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЫ
ВЕЛИКИХ
ЛЮДЕЙ**

Энрика Антониони, Зоя Богуславская,
Ирина Шостакович, Лора Гуэрра,
Светлана Кармалита,
Нина Вишневская

Лица. Эпизоды. Факты.

Лариса Г. Максимова
Великие жены великих людей
Серия «Лица. Эпизоды. Факты»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20143425

Лариса Максимова. Великие жены великих людей: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097698-0

Аннотация

Шесть уникальных женщин. Абсолютно разных. Каждая – целый мир, о каждой можно написать отдельную книгу. Зачем было объединять их под одной обложкой? Гений – это фигура штучная. Также штучны и те, кого гений выбирает себе в попутчики. Автор этой книги пыталась найти в женщинах, которым посчастливилось – или не посчастливилось – стать женой гениального человека, общее, объединяющее их качество. Именно поэтому книга, которую вы держите в руках, – не сборник историй о разных женщинах, а история любви. Одна большая история любви. Которая никогда не перестанет...

Содержание

Признание в любви (вместо предисловия)	4
Энрика Антониони	9
Встреча	15
Детство	19
Накануне	22
Любовь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лариса Максимова

Великие жены великих людей

Признание в любви (вместо предисловия)

Эта книга свела под одной обложкой нескольких женщин. Каждая – целый мир, и о каждой можно было бы написать отдельную книгу. Один известный художник сказал мне, что объединять их в сборник – это все равно как одновременно разглядывать горсть бриллиантов, вместо того, чтобы любоваться каждым по очереди. Очень красивое, но абсолютно неверное сравнение. Камни – мертвые, а люди – живые. Мне хочется побыть и с каждой из этих женщин, и – сразу со всеми.

Шесть уникальных женщин. Абсолютно разных. Но есть то, что их объединяет. Все они – избранницы. Великие жены великих людей. Жены гениев... Я люблю каждую из этих женщин, я иногда даже восхищаюсь ими и тем, с каким достоинством они идут по пути, выбранному однажды. Люблю и восхищаюсь – каждой по-отдельности. Всеми – по-разному.

му.

Я люблю – Лору Гуэрра так, как если бы она мне была старшей сестрой или даже мамой. Что есть Лора? Всегда неразбериха и переполох. Страсти, обиды, восторг. Из глаз сыплются искры, рыжие кудри разбросаны в чудесном беспорядке. И все вокруг заряжается ее энергией, все вокруг начинает искрить и фонтанировать. . . . Не это ли привлекло Тонино Гуэрра в русской барышне с «Мосфильма» почти пятьдесят лет назад? В том, что ее маэстро – гений, сегодня никто уже не сомневается, но как гениально срежиссировала их жизнь Лора, как полно прожила, постаравшись использовать все, что послал Господь. А ведь Бог не дает каждому полной ложкой, но из того, что было дано, она ничего не упустила, не пропустила сквозь пальцы и соткала судьбу – свою и их общую с Тонино. Он менял мир вокруг, а она вплетала в этот мир их быт, их любовь, наполняла событиями, уберегала от ошибок. Редкий дар у Лоры, уникальный. Смотреть на сосуществование двух их ярких «я» было божественно прекрасно. Это был и остается – несмотря на то, что нет уже Тонино – не просто союз, а источник всего живого, прекрасного, мудрого. Лора и Тонино навсегда в моем сердце, и я могу пить из этого источника, когда захочу.

В моем сердце – Энрика Антониони. Они похожи с Лорой как сестры. Не внешне. Нет. Какими-то своими человеческими проявлениями, душевной пластикой, реакцией на жизнь. Когда я увидела Энрику впервые на юбилее у Тонино – в ко-

роткой юбке, с копной белых волос, в длинных сапогах, – немедленно в нее влюбилась. Она была вызывающе красивой. Даже слишком вызывающе. Так не могла выглядеть жена гения! Но она ТАК выглядела, и это было в ней самое существенное. Но она ТАКОЙ и была – ни на кого непохожей. Абсолютно уникальной. Создавшей свою уникальную жизнь, в которой огромная часть отдана Микеланджело.

Что, скажете вы, общего у нее с Ириной Шостакович – совершенно другой, совсем не похожей ни на. Лору, ни на Энрику? Ничего, совершенно. Строгая, тихая, обаятельная... Ирина Антоновна Шостакович не была со мной ни ласковой, ни мягкой. Она вообще такой почти не бывает с чужими. Потому что жизнь одна, и еще столько нужно успеть сделать для Дмитрия Дмитриевича, а чужие все лезут и лезут в ее жизнь, спрашивают, интересуются, отвлекают...

Каждая героиня этой книги – целый мир. Какие миры! Я читаю стихи Тонино Гуэрра, смотрю «Затмение» Антониони, слушаю 4-ю, мою любимую, симфонию Дмитрия Шостаковича и знаю, что ничего не пойму, если не проникну в мир их создателей... А проводить меня туда могут только те, кто был им близок.

В мир Андрея Вознесенского меня тоже привела его жена Зоя Богуславская. Зоя – сама отдельная планета. Чудная, непредсказуемая, эксцентричная... Как я злилась на нее, когда все время приходилось править текст интервью – то не так, и это не верно!.. Но что бы я поняла про поэта, если бы

не эти сто, наверное, встреч с Зоей? Да и про Зою бы я ничего не поняла...

Светлана Кармалита – вообще из иного мира. Ни с Зоей, ни с Лорой, ни с Энрикой ее ничего не роднит. Другой человек, другая судьба, другая группа крови. Вы прочитаете главу о ней и сами все поймете.

В доме хирурга Вишневского на Котельнической набережной меня встретили накрытым к обеду столом. До этого мы не были знакомы ни с Ниной Андреевной Вишневской, ни с ее сыном Андреем. Я была потрясена! Первое интервью длилось четыре часа, и все это время меня непрерывно кормили и поили.... Какая-то давно забытая традиция встречать гостя едой. Потом мы смотрели фотографии позапрошлого века, читали стихи Бродского, изучали Москву из окна на 11-м этаже...

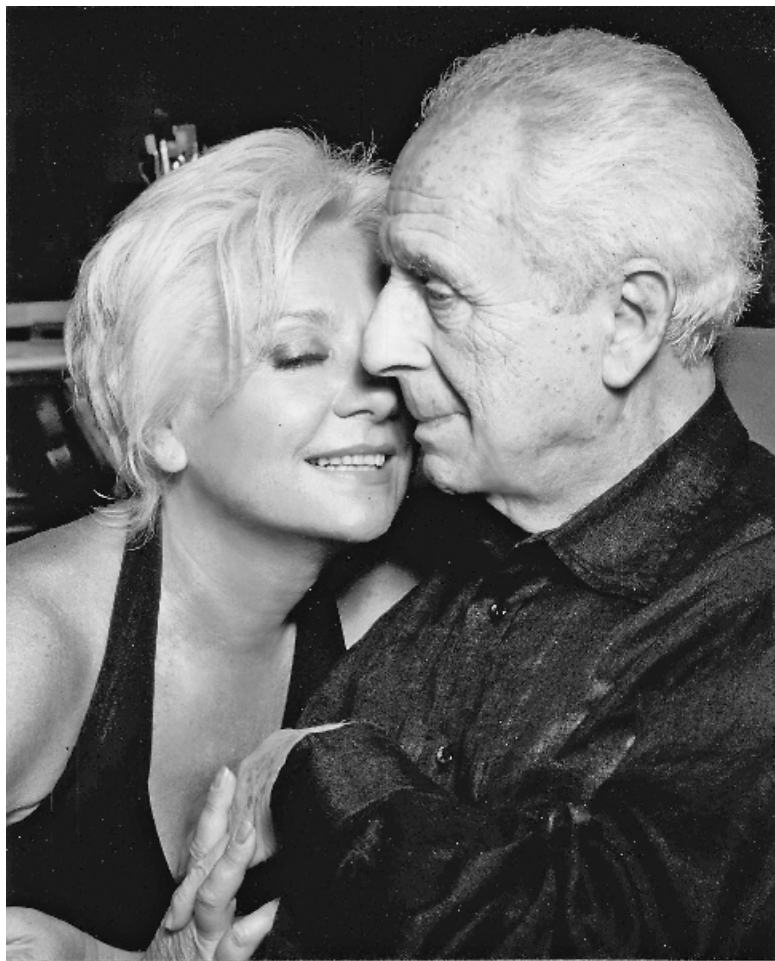
Гений – это фигура штучная. Также штучны и те, кого гений выбирает себе в попутчики. Я много раз пыталась найти в женщинах, которым посчастливилось – или не посчастливилось – стать женой гениального человека, общее, объединяющее их качество. Не нашла. Их нельзя сравнивать, ставить в один ряд, смешивать, искать общее. Поэтому я обязательно напишу про каждую отдельно, если они мне позволят... Спасибо, что они согласились на этот сборник. Я понимаю, что исключительно из хорошего ко мне отношения.

Зачем я вообще все это пишу? Чтобы признаться в любви. Лоре и Энрике, Зое Борисовне и Ирине Антоновне, Свет-

лане Кармалите и Нине Вишневской. Если их что-то и объединило под этой обложкой, то исключительно и только любовь. Любовь несомненно была смыслом их жизни, а, может быть, и жизнью вообще.

Именно поэтому книга, которую вы держите в руках – не сборник историй о разных женщинах, а история любви. Одна большая история любви. Которая никогда не перестает...

Энрика Антониони
«Жизнь с Микеланджело
– большое путешествие»

Знаменитый итальянский кинорежиссер Антониони Ми-

келанджело снял великие фильмы, и они все – о любви. Эта любовь – неуловима. Его мужчина и женщина никогда не могут соединиться в одно, они всегда живут по касательной, каждый сам по себе – и только в моменты страсти приближаются друг к другу. На одно мгновение.

Поразительно – его реальная жизнь была такой же. Их любовь с Моникой Витти – глубокая, чувственная, подкрепленная общим творческим союзом – не объединяла, а разъединяла: они даже жили по-отдельности, встречаясь лишь иногда – и закончилась разрывом.

Антониони было под шестьдесят, когда он встретил Энрику Фико. С ней он прожил почти сорок лет, и это был союз, построенный совершенно по другим правилам. Они стали целым. Он не покидал ее, и она никогда не оставляла великого маэстро – ни в горе, ни в радости.

Объяснить эту метаморфозу, произошедшую с Антониони, можно сотней разных причин. Но одна – очевидна. Он встретил именно Энрику.

* * *

Энрика Фико и великий итальянский режиссер Антониони Микеланджело познакомились в кафе «Розатти» в 1972 году. Кафе «Розатти» находится на Пьяцца-дель-пополо – площади в центре Рима. С моим другом Сашей Зелеранским, человеком суперпродвинутом в области кино и бле-

стоящим переводчиком, мы специально пришли в это место. Потому что я хотела(!) ощутить романтику отношений двух людей сроком давности почти в полвека... Никакой романтики, надо сказать, не ощущалось – пока не полил дождь. Покинуть столик стало невозможно, официанты вежливо не торопили со счетом, а с веранды, где мы сидели, открывался вид на площадь, которая из-за дождя совершенно опустела...

Сардиния. 1972 г. Фото Микеланджело Антониони

Встреча

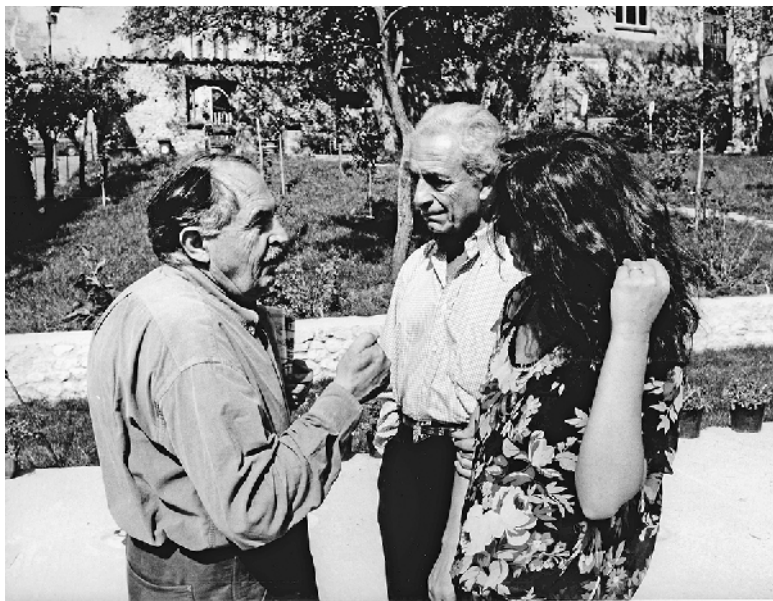
Сначала я увидела, как Микеланджело паркуется на другой стороне Пьяцца-дель-пополо. У него был зеленый «Фиат». Я наблюдала, как он выходит из машины, платит за парковку и переходит через площадь. Это была прямо сцена из кино. Как в его фильмах, когда просто ставят камеру и камера фиксирует ситуацию. Чтобы пересечь площадь, нужно несколько минут, и все это время перед Микеланджело было пустое пространство – ни машин, ни людей... Но в этом фильме режиссером была я – хозяйкой своего времени и положения: ведь я его видела, а он меня нет. Ни особых чувств, ни эмоций я не испытывала, хотя могла бы: Микеланджело был знаменит как Висконти или Феллини, он был всемирно известным человеком... Я просто сказала себе: вот идет Антониони. Он был очень, очень красивый. Очень элегантный и нервный. Он был красивым до последних своих дней: особенное тело, особенная кожа... А тогда я всего лишь хотела познакомиться и получить работу.

Он был очень удивлен, увидев нас сидящими на улице, на веранде. Был январь, и было очень холодно. Он спросил «как дела», а я избежала вежливого обращения и перешла на «ты». Он отнесся ко мне так, будто я была старше его, а я отнеслась к нему, будто он был моложе меня. И такими наши взаимоотношения оставались всегда. В тот день мне было

восемнадцать, а ему – пятьдесят девять. Он был на сорок лет старше меня.

Когда я впервые услышала эту историю? Возможно, мне рассказала ее Лора Гуэрра, жена Тонино – великого итальянца, создавшего вместе с Антониони и Феллини, не только целое направление в мировом кинематографе, но и особую эстетику кино. А возможно, и эстетику целой эпохи. Лора так иногда шутит: мы не можем хандрить, ведь за нами – эпоха! Кстати, именно Лора познакомила меня с Энрикой. Посмотри, сказала она мне, это жена Антониони. Был день рождения Тонино, восемьдесят седьмой или восемьдесят шестой, и Энрика приехала поздравить друга своего покойного мужа в Пеннабили – родной город Тонино. Был поздний вечер, центр Пеннабили был украшен в честь Тонино фонариками и гирляндами, как к Рождеству... Все что-то ели и пили на улице, хохотали, открывали шампанское, а я еще подумала: какие у этой Энрике красивые ноги... Она была в мини-юбке, которая ей очень шла, с копной светлых волос, очень молодая и вся какая-то искрящаяся. Тоже пила шампанское и громко смеялась. Честно говоря, я была разочарована, я всегда думала, что рядом с эстетом Антониони должно находиться также все только сверхэстетское, неестественное и немного аномальное... А эта женщина была абсолютно естественной и абсолютно нормальной, очень живой и близкой. И значит – она ему не подходила. Почему я так думала?

Да просто потому, что ничего тогда не понимала ни про итальянцев, ни про Антониони, ни про кино. Да и вообще про жизнь мало что понимала...

Микеланджело Антониони и Тонино Гуэрра в Узбекистане

Но, наверное, все-таки я услышала историю ее встречи с Антониони от самой Энрике. Потому что только она могла рассказать ее так поэтично и одновременно просто. Да и я со временем поняла: настоящая красота, настоящая эстети-

ка проста и лаконична. И – полна жизни. Именно такой оказалась Энрика, когда я ее узнала лучше...

Детство

Я родилась недалеко от Портофино, и в шестнадцать мы приезжали туда каждый вечер и находились там до самой зари. Пили, пели, играли на гитаре. Это было наше поколение. Мы родились в Портофино. На Лигурийское побережье мы ездили по фантастической красоты узким дорогам и с очень большой скоростью. Я сама «не рулила», меня отпускали – «с друзьями».

Моя мать была очень утонченной женщиной, из богатой семьи, из Генуи. После войны ее семья переехала в провинцию, где мама встретила с моим отцом. Он был командиром партизанского отряда во время войны. Отец был очень важным человеком, очень сильным и очень красивым. Он ездил на охоту, и это было предметом моей гордости. Я всегда, сколько себя помню, была влюблена в отца. И тот момент, когда я была особенно влюблена, его не стало. Он умер, когда мне было семь лет, погиб в автокатастрофе. Он что-то грузил в автомобиль, проезжала еще одна машина и сбила его. Это была трагедия моей жизни. Ужасная, невосполнимая потеря. Может быть, я искала ему замену?

Во мне есть кое-что от матери – вдруг (всегда некстати!) проявляются ее утонченные, светские манеры, но отца во мне больше, от него я унаследовала силу «человека земли». Когда он умер, матери пришлось пойти работать. Она взяла

меня и моего брата, и мы переехала в Милан. Там она занималась пиаром в архитектуре. Так что, в школу я пошла уже в Милане.

Я ненавидела Милан всей душой, потому что родилась у моря. Там я могла спать со звуком волн в ушах, могла видеть сад, животных, цветы, собак, кур, кроликов, птиц... Я могла когда угодно обнять дедушку и бабушку. В своем Порто-фино я жила свободно и в абсолютной красоте. Милан же бросал мне вызов. Здесь я уже не была умнее всех в школе, не могла все время наслаждаться жизнью, здесь все было не так просто и легко. Здесь вообще все было по-другому. Но я благодарна моей матери за то, что она привезла меня в Милан. Во-первых, я получила очень хорошее образование. Я обучалась в художественной школе: пошла туда, потому что в классической не оказалось мест. Мать сказала, что если в обычной школе мест нет, то нужно идти в художественную. Почему в художественную? А почему нет? Это было совпадение, но ведь ни что не случайно в этом мире. Это оказалось прекрасное место для меня, там учились одаренные люди, художники, архитекторы. Нам преподавали рисунок, композицию, историю искусств... Изучить все это было для меня очень полезно, например, я до сих пор рисую, знаю живопись, архитектуру. Но в тот день, когда я окончила школу, я уехала из Милана. Я сказала моей матери: «Извини, я покидаю тебя, покидаю дом. Но мне тут не нравится!» И поехала в Рим.

Мы прилетели в Рим поздно ночью и остались ночевать прямо в аэропорту, в гостинице «Хилтон». А ранним утром, на автомобиле, взятом напрокат, поехали в Умбрию, где у нас была назначена встреча с Энрикой. Сначала – по хайвэю на Флоренцию, потом – на Сполето и Перуджо, выехали по указателям в «Треви» и оказались в Боваро Пиджи. Именно здесь почти сорок лет назад великий итальянский маэстро и его юная подруга приобрели дом, чтобы спастись от летнего зноя, который четыре десятилетия назад причинял страдания жителям Рима не меньше, чем сегодня. Эта самая Бовара Пиджа оказалась обыкновенной итальянской деревней с выжженной от солнца травой, по которой ходили козы и куры. От русского села она отличалась, пожалуй, только наличием большого числа оливковых деревьев и небольшим количеством очень качественных тратторий.

С тех пор как не стало Микеланджело, Энрика проводит здесь самые жаркие месяцы лета. Как правило, в одиночестве. И нам вообще-то сильно повезло, потому что свои редкие интервью она обычно дает в Риме и этот дом Антониони мало кто видел. Здесь есть его картины, мебель, которую он сделал сам, его книги и вещи. Дом, предназначенный для воспоминаний, хотела сказать я своему другу. Но промолчала.

Накануне

До встречи с Антониони я видела два его фильма, но он сам значил для меня, может быть, больше, чем для других людей. Его первая документальная книга тогда лежала около моей кровати, перед тем как заснуть, я рассматривала фотографии в ней. Я не была знатоком кино, но его фильмы, его эстетика меня увлекали. Висконти был старый, а Микеланджело был молодой, он понимал нас, наше поколение. Мы познакомились с ним в тот год, когда он заканчивал «Забришки пойнт» и был погружен в мир молодежного протеста, наркотиков и рок-музыки. Он жил в Лос-Анджелесе, а я в Милане, но у нас был общий мир, общий круг интересов. Он был немолодым человеком по годам, но по сути, по своему опыту – подростком, да он всегда оставался подростком, даже когда был зрелым в своем искусстве, в своем творчестве. Да и как мужчина он всегда оставался подростком. К счастью.

В нашей компании в Портофино мы попробовали все наркотики. Это не было мое, но я хотела именно попробовать. Это была борьба, противостояние, протест. Но не зависимость. Меня всегда удивляло, что, даже когда мы были «навеселе», пили, мой ум оставался ясным. Я никогда не западала на это. Попробовать и испытать. Ничего больше.

Мне было шестнадцать. Мы пошли на маяк, который сто-

ял в конце залива в Портофино. Там очень красивая пешеходная тропа. По ней нужно идти полчаса вверх до того места, где стоит маяк, и это очень высоко. И когда мы дошли до маяка, были уже сильно «под кайфом». И вот я села на этой высокой скале: закат, море подо мной. Я сидела на самом краю. Корабли заходили в порт, много кораблей – яхты и рыбаки. И вместо того, чтобы заходить в порт, они шли в меня, и мне казалось, что я впитываю в себя впечатления и опыт людей, которые находятся на кораблях, на яхтах... И богатые люди рассказывают мне о своих женах, которые их ждут. Это было невероятно – встретить всех этих людей с их историями! Уже потом, когда мы стали вместе с Микеланджело, и он познакомил меня со своими друзьями – художниками, писателями, поэтами и музыкантами, – я поняла, что каждый из них наполнен такого рода историями и все, что они создают в своем искусстве происходит из этого материала – из историй, которые внутри их. Вот это как раз я испытала, когда корабли как бы входили в меня со всеми их людьми, со всеми их историями: чтобы все эти истории и рассказы сделались моими.

Я начала думать о том, что мне делать в жизни только после того, как окончила школу. Надо было делать выбор. А я не знала какой... Все было хорошо для меня – живопись, скульптура, артистический путь, кино... А музыка? Музыка в 70-х была великолепная, лучшая музыка, я считаю. И еще я хотела путешествовать... Но главное – я была свободной

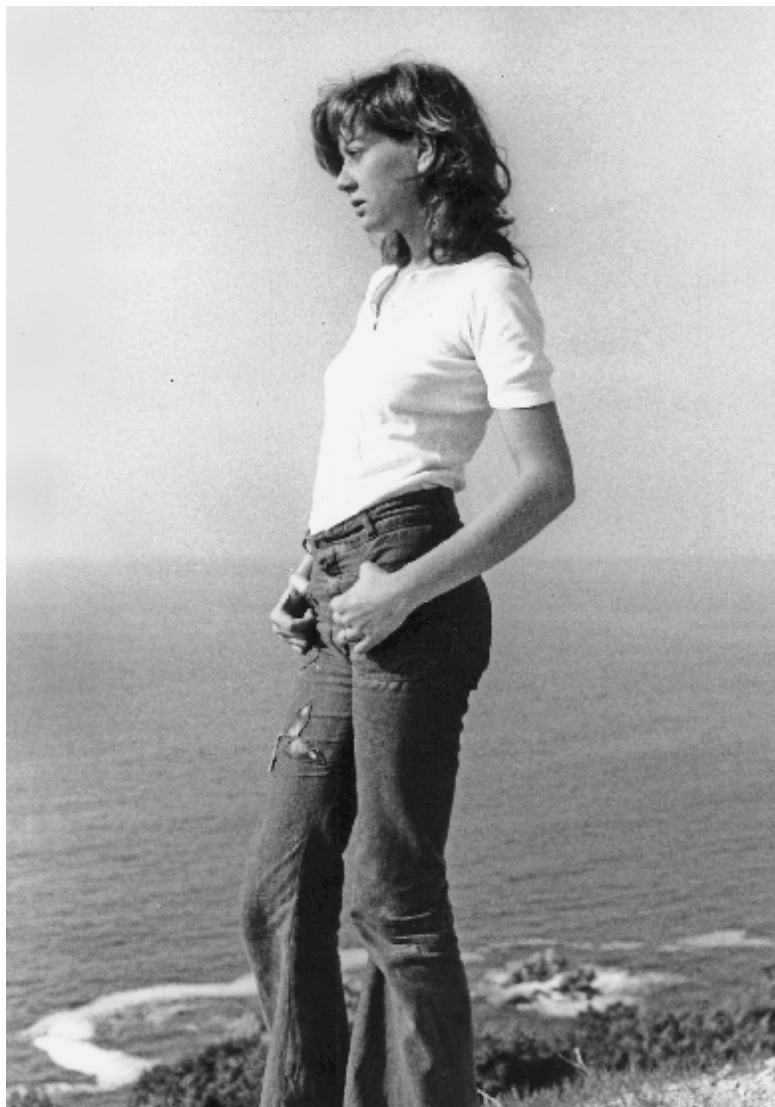
женщиной! Ни отца, ни матери, ни денег, ни любовника, ни мужа, ни детей – свобода! Полная свобода! Это было здорово! Я была красива, здорова, счастлива, странна, умна, и у меня была сильная личность. Я могла казаться сладкой и доброй, но у меня был некий гнев – я хотела знать и испытать все, и никто меня не мог остановить. У меня не было никакого страха...

В своем удивительном – наполненном воспоминаниями – тихом и прохладном доме в Боваро Пиджи Энрика совсем не бездельничает. Она пишет книгу. Я спросила, можно ли уже что-то прочесть, может быть, опубликовать? Мой вопрос оказался преждевременным. «Я не могу пока закончить эту свою повесть. Потому что я хочу рассказать про Энрике без Антониони, а этой Энрике еще нет. Нет новой жизни, она еще не началась. Мы с ним остаемся в большой взаимосвязи, и, думаю, так будет всегда, никогда не закончится. Но за эти пять лет – я начала книгу через год после смерти Микеланджело – я все же сильно изменилась, и наши отношения с ним меняются. Я сегодня чувствую себя такой, какой была в начале жизни, незадолго до встречи с Микеланджело: мне снова кажется, что я приготовилась для чего-то. Это означает, что я, возможно, допишу эту книгу. А еще это означает, что я смогу жить дальше без него. Но – с ним».

Любовь

Итак – впереди меня ждала новая жизнь, и я была в Риме. Остановилась у друзей, которые были актерами. Наши разговоры часто вертелись вокруг кино: Феллини, Висконти, Антониони... Однажды я встретила Микеланджело на улице на площади Испании, на углу с Виа дель Корсо. Он стоял там и с кем-то разговаривал, когда мы проходили мимо с моим молодым человеком. Я взглянула на Микеланджело, он увидел меня, наши взгляды встретились, и я подумала: «Это же Антониони!» – и продолжила свой путь. Я была достаточно скромна, побоялась подойти к нему и сказать, что за месяц до этой встречи работала с художником: он показывал проектором картины, которые были сделаны на частях моего тела. Этот художник был знаком с Микеланджело и попросил его сделать презентацию к этому проекту. И когда я встретила его на улице, я подумала: «Вот это совпадение!» Я могла бы ему сказать, что я – та девушка, по поводу которой он делает презентацию у художника, я даже вернулась... Но его уже не было.

Через какое-то время я попросила этого художника помочь мне найти работу – мне очень нужны были тогда деньги. Художник сказал, что единственный человек, которого он знает в Риме, это – Микеланджело. Я ответила: «Хорошо, это – для меня!» – и попросила представить нас друг другу.

* * *

Так мы встретились в кафе «Розатти».

Я спросила у Микеланджело, есть ли у него работа для меня. А он, в свою очередь, поинтересовался, что я умею делать. Я сказала, что пока работаю продавщицей в магазине у моего друга, но зато разбираюсь в разных искусствах. Тогда он решил: «Хорошо, если ты умеешь работать с красками, то сможешь помочь с костюмами в моем новом фильме». Мы договорились, что он позвонит мне и пригласит на обед, где мы переговорим о фильме и «посмотрим».

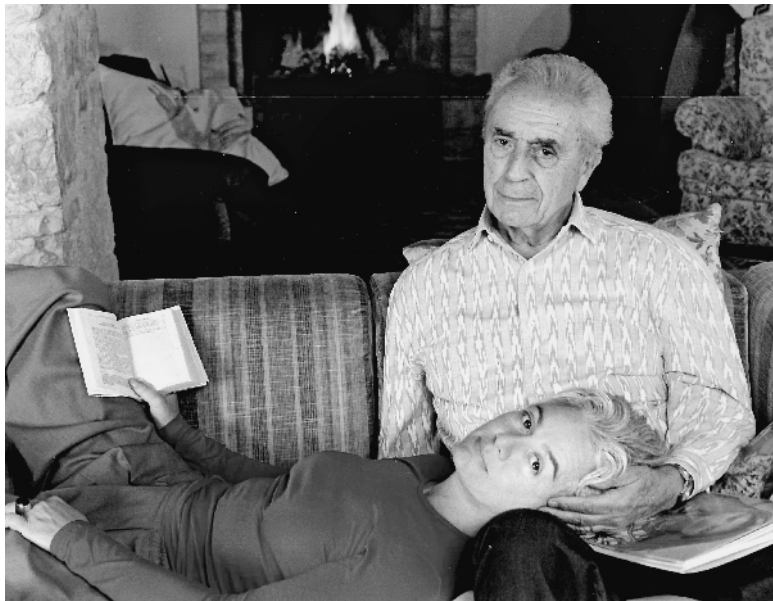
Он позвонил мне через три дня. Я не хотела ждать, потому что не надеялась, что он позвонит. Я не хотела с ним встречаться, поскольку он был гораздо старше меня. На третий день я сказала себе: он не позвонит! Но он позвонил – в субботу, в 8.30 утра, в тот момент я спала.

Кто-то ответил на звонок, и он сказал: «Доброе утро! Это Микеланджело Антониони». Мои друзья-актеры были счастливы, потому что подумали, что он звонит им. Но он попросил к телефону меня и сказал: «Я хочу пригласить тебя на обед. Ты хочешь пойти туда, где много народа, или наоборот?» Я ответила: «Туда, где много народа».

И что вы думаете – мы пришли в ресторан, который был абсолютно пуст! Но зато в нем подавали еду из города Фер-

рара, где он родился. Зачем он тогда спрашивал, куда я хочу пойти? Обидеться я не успела. Он стал мне рассказывать об Америке: о пустыне, о Большом Каньоне, долине памятников, его взаимоотношениях с индейцами, с Карлосом Кастанеда. К тому времени я, кстати, прочитала все книги Кастанеда. Он рассказывал о том, как работал с «Пинк Флойд» во время озвучки «Забрийдского пойнта». Они играли свою музыку перед экраном, целыми днями не выходя из студии, а Микеланджело должен был бегать и доставать для них марихуану, чтобы они играли. Он рассказывал очень увлекательно. В конце ужина Микеланджело сказал мне: «Ты человек, которого я хотел встретить». Я спросила: «Почему?». Он ответил, что я умею слушать.

В тот момент он был одинок. Отношения с Клэр Пеплоу, сейчас она жена Бернардо Бертоллуччи, приближались к концу. Они встретились во время съемок в Лондоне. Антониони был сильно в нее влюблен. Даже Моника Витти бросила Микеланджело – так сильно он влюбился в Клэр. Но Клэр не хотела жить в Риме, а Микеланджело не хотел жить в Лондоне. Они никак не могли соединиться. Вот почему он хотел, чтобы был человек, который мог слушать его.

Дома в Умбрии

В ресторане он сказал, что у него дома есть большая коллекция современного искусства, и спросил, не хочу ли я посмотреть. Я ответила: «Да, конечно». Мы пошли в его квартиру, где я до сих пор живу. У него были фантастические работы Джорджо де Кирико, Фрэнсиса Бэкона, Моранди... Мы сидели, курили марихуану. Он спросил меня: «Какую из этих картин ты предпочитаешь?» Я сказала: «Кирико». Потом мы пошли в постель. Это было легко, как съесть кусок пирога. Я спала с ним, мы были вместе, не чувствовалось ни-

какой разницы в возрасте между нами, и было полное единение. Утром, когда я собралась уходить, он сказал: «Оставайся здесь». Я возразила ему: «Я свободная женщина, я иду домой». И пошла, и даже какое-то время еще пыталась быть свободной и независимой, но он постоянно звонил мне. Он хотел, чтобы я была там с ним. Но я еще была не готова.

Узнав, что я еду к Энрике, Лора поведала мне две истории. Две эти пары – Гуэрра и Антониони – дружили много лет, Микеланджело и Тонино вместе создали дюжину киношедевров, в саду Энрике стоят две каменные доски, на одной написано: «Лора и Тонино», а на другой – «Энрика и Микеланджело». Просто так стоят – для красоты и памяти. Но истории не об этом. Одна – о свадьбе. Тонино женился на Лоре в Москве, а Антониони был свидетелем на церемонии бракосочетания. Так вот эту самую церемонию он практически сорвал, потому, что стал умирать от смеха и «прыскать» когда женщина в строгом костюме указкой подозвала молодых расписаться в журнале, а потом, тыча той же указкой им в грудь, прочитала мораль о правах и обязанностях советской супружеской пары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.